

Е.Ю. Фаркова

Листвень

Листвень, «царский листвень» — так жители называли лиственницу, без которой нель-зя было представить Матеру и которая среди всего остального возвышалась и возглавлялась на острове. Листвень на самом деле был царским: «вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми». С давних пор живет поверье, что именно царским лиственом «крепится остров к речному дну, к одной общей земле, и покуда стоять будет он, будет стоять и Матера».

Когда-то лишь одна береза решилась встать рядом с «царским лиственом». Из великой и капризной милости он не сжил ее, и береза, «все еще зеленеющая, дающая листву, но уже старая и смертная», стояла неподалеку, метрах в двадцати ближе к Ангаре.

За свой век листвень наронял столько хвои и шишек, что вокруг него образовался курган, из которого возвышался могучий ствол дерева.

Толстые, огромные ветви отходили от ствола лиственя необычно — не вверх наискосок, а прямо в стороны — «будто росли вбок самостоятельные деревья».

Ствол лиственя, неохватный одними руками, выбелился и заостенел. Кора со ствола сползла, «листвень оголился и не способен был больше распускать по веснам зеленую хвою». Но то, что осталось на листвене, навеки приварилось, «становилось, казалось, еще крепче и надежней».

В мощном разлапистом основании лиственя были видны бугры корней, однако оно вызванивало одну твердь, без всякого намека на трухлявость и пустоту. «И так, видно, вознесся он, такую набрал силу, что решено было в небесах для общего порядка и размера окоротить его — тогда и грянула та знаменитая гроза, в которую срезало молнией «царскому лиственю» верхушку и кинуло ее на землю. Без верхушки листвень присел и потрагился, но нет, не потерял своего могучего, величавого вида, стал, пожалуй, еще грозней, еще непобедимей».

Все в листвене было цельным и литым, только как бы со спины, со стороны, обращенной к низовьям Ангары, образовалось «широкое, чуть втиснутое внутрь дуплистое корявое углубление». Над этим углублением листвень нависал, «точно прикрывая его от посторонних глаз».

Старые люди относились к державному дереву с почтением и страхом. В Пасху и Троицу задабривали листвень угощением, горкой складывая его у корня дерева. С ним было связано много историй и легенд.

И когда подступили к лиственю чужие люди, топоры отскакивали от ствола, как от резины («топор на удивление соскальзывал и, вызваниваясь, не мог вонзиться и захватить твердь, оставляя на ней лишь вмятины»).

Устоял листвень и перед огнем. Хотя его обложили высокой, в рост человека, клеткой из жердей в две связи, и, не жалея, полили бензином и подожгли, огонь отделился от дерева и «точно пылал вокруг воздух, а листвень под какой-то надежной защитной броней оставался невредимым».

Могучий и норовистый, листвень не поддался людям. Упала береза, «ломающая последние свои ветви и обнажив в местах среза и сломов уже и не белое, уже красноватое старческое волокно».

Погибли в огне материнские леса. «Царский листвень» выстоял один. Надо всем вокруг он продолжал властвовать. «Но вокруг него было пусто».